

УДК 81'28

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-56-63

К ареальной характеристике севернорусских названий внутренних органов животных¹

*Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223
«Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики»*

Мария Олеговна Леонтьева

лаборант-исследователь топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. marileonteva@yandex.ru

SPIN-код: 4303-7590

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8695-7617>

ResearcherID: AAW-7674-2021

Статья поступила в редакцию 29.08.2022

Одобрена после рецензирования 05.09.2022

Принята к публикации 19.10.2022

Информация для цитирования

Леонтьева М. О. К ареальной характеристике севернорусских названий внутренних органов животных // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 56–63. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-56-63

Аннотация. В статье рассмотрено семантико-мотивационное и лингвогеографическое своеобразие севернорусской спланхнонимии – лексики, обозначающей внутренние органы. Уделяется внимание проблеме взаимосвязи и пересечения между названиями внутренних органов человека и спланхнонимов, относящихся к животным. Автор отмечает тенденцию вторичности возникновения спланхнонимов, относящихся к человеку, их производности от названий внутренних органов животных. Определяются экстралингвистические причины языкового внимания диалектоносителей к сфере внутренностей животных – рыболовный и охотничий промыслы, практика приготовления мясных блюд. Также проводится обзор относящейся к животным спланхнонимии, отмечается пограничность соответствующей лексики между кулинарией и соматикой; выявляется сложность идеографической структуры изучаемой лексики, приводятся основные идеограммы с их лексическим наполнением. Прослеживается разграничение наименований органов, относящихся к домашнему скоту, и названий внутренностей рыб. Особое внимание уделяется лингвогеографической специфике спланхнонимии, относящейся к рыбам: соответствующая лексика фиксируется в контактной с финно-угорскими народами зоне и отличается дробной семантической дифференциацией. В заключительной части статьи автор приводит частные мотивационные особенности, характерные для лексики названий внутренностей животных. Рассматриваются метафоричные наименования, включающие как мотивированные названия бытовых реалий спланхнонимы, так и лексемы, относящиеся к сфере быта, которые вторично образовались от спланхнонимов. Анализируется лексическая реализация мотивационного перехода ‘отходы’ – ‘внутренности’.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; говоры Русского Севера; соматизмы; спланхнонимия; семантико-мотивационный анализ; этнолингвистика; лингвогеография.

В русской диалектной соматической лексике наиболее частотными и разнообразными являются названия внешних (непосредственно наблюдаемых, визуально выделяемых) частей тела, таких как голова, руки, ноги, спина, живот

и др. Однако определенное внимание носители языка уделяют и «внутренней» стороне тела, что находит отражение в диалектной спланхнонимии – лексике, обозначающей внутренние органы².

Говоря об обстоятельствах возникновения спланхнонимов, следует отметить определенные номинативные трудности – невозможность наблюдения за внутренними органами и их непосредственным функционированием. По этой причине спланхнонимы, которые могут быть применимы к человеку, не отличаются многообразием и регулярно пересекаются с общенародными (литературными) названиями внутренностей. По данным севернорусских говоров (архангельских, вологодских и костромских), номинируются следующие органы: **желудок** (арх., влг. *брюшина*, арх. *брюшинка* (СВГ 1: 46; СРГК 1: 126; АОС 2: 148), арх. *брюшко* (АОС 2: 149), арх. *желуток* (АОС 13: 294), арх. *жорново* (АОС 14: 320), арх., влг. *требух* (СВГ 11: 53), влг. *требушина* (Дилакторский: 509)), **печень** (влг., костр. *синёк*, *сенёк* (КСГРС; ЛКТЭ), влг. *макса* (СРГК 3: 188)), **селезёнка** (арх. *псень*, влг., костр. *сёнек*, костр. *синёк*, влг. *челезёнка* (КСГРС; ЛКТЭ), влг. *сёлезень* (СРГК 6: 51)) и **кишечник** (*брюховица* (СВГ 1: 46)). Диалектные обозначения приобретают также **внутренности** в обобщенном, собирательном понимании – как правило, это органы брюшной полости без внутренней дифференциации (арх. *брюшина* (АОС 2: 147), арх. *черёво* (КСГРС), арх. *мутро* (СГРС 7: 371), костр. *нутренности* (ЛКТЭ)). Единожды фиксируется влг. *растение* ‘любой отдельно взятый орган’: *Есть растения другие: почки, печень, кишки, лёгкие* (КСГРС). Среди представленных лексем фонетические, словообразовательные и семантико-словообразовательные варианты общенародных слов – такие как *мутро*, *нутренности*, *челезёнка*, *требух*, *требушина* – преобладают над собственно лексическими диалектизмами. Контексты употребления лексем нередко демонстрируют возможность применения не только к человеку, но и к животным: *Сенёк у человека, у собаки, у рыбы. В книгах “печень”, а по-простому “сенёк”* (костр.) (ЛКТЭ); *У налима макса есть, у всех рыб есть макса, человек тоже без максы не живет* (влг.) (СРГК 3: 188). Прослеживается определённая закономерность: регулярно номинируются в первую очередь брюшные органы, в то время как органы дыхательной и сердечно-сосудистой систем практически не получают наименований. В названиях органов животных, как будет видно в дальнейшем изложении, прослеживается та же семантическая закономерность, при этом спланхнонимов, относящихся к животным, фиксируется намного больше, чем у человека. Таким образом, названия брюшных органов человека и животных в русских говорах представляют собой богатую и сложно организованную лексическую систему, заслуживающую пристального внимания исследователей; важнейшей работой, объектом изучения которой

становится эта система, является монография В. Ушинскене [Ушинскене 2012], посвященная анализу названий брюшных органов с точки зрения семантики, словообразования, мотивации, этимологии и истории народной терминологии.

Спланхнонимы, которые применяются к человеку, находятся в очевидном взаимодействии с лексикой внутренних органов животных. Спланхнонимы, относящиеся к скоту, птицам и рыбам, не только заметно превосходят по количеству названия внутренностей человека, но и обладают более сложной и дробной идеографической организацией. У человека, который непосредственно взаимодействует с внутренностями убитых животных, занимаясь охотой, ловлей рыбы, скотоводством, приготовлением пищи, возникает закономерная потребность эти внутренности обозначить. Названия внутренних органов человека довольно часто вторичны, будучи обусловленными развитием значения спланхнонимов, относящихся к животным. Так, семантически относящиеся к телу человека влг., костр. *сёнек* ‘селезёнка’, *синёк*, *сенёк*, *макса* ‘печень’, влг. *брюховица* ‘кишечник’, влг. арх. *черёво* ‘внутренности’ первично обозначают органы животных. Такое направление семантической деривации может подтверждаться количественным сопоставлением значений (в том числе контекстуальных): для *черёво* существенно преобладают контексты, применяемые к животным и описывающие ситуацию разделывания туши: *У коровы, у телёнка, у рыбы черёво назовём* (арх.); *Черёво выбрасываем кошке, но и поросёнку варить полезно* (арх.) (КСГРС). Имеет значение и территориальное распространение производного и производящего значений, ср.: влг. *брюховица* ‘кишки’ (в применении к человеку: *Я думала, и брюховица-то вывалится*) (СВГ 1: 46) при костр., иван., влг., арх. *брюховица* ‘потроха животного, употребляемые в пищу’ (СРНГ 1: 225). Наконец, первичная применимость спланхнонимов именно к животным подтверждается их мотивационной реконструкцией. Так, влг., костр. *сёнек* ‘селезёнка’, *сенёк*, *синёк* ‘печень’ сопоставимы с арх., влг. *псень* ‘печень (чаще у рыбы)’ (КСГРС; Дилакторский: 420); кольск. *ксень*, *ксеньё* ‘внутренности рыбы, рыбы потроха’ (СРНГ 15: 373); том. *иксень* ‘печень налима’ (СРНГ 12: 183) и др. По одной из версий о происхождении этого слова (позднее мы еще вернемся к этому вопросу), приведенные названия брюшных внутренностей восходят к прасл. **kьsenь* ‘внутренности (рыбы)’ из **kysati* ‘киснуть’ [Ушинскене 2012: 70]. В данном случае мотивирующая основа описывает орган через его нахождение вне живого организма, что характерно для восприятия внутренностей убитого животного.

Вторичность обозначений внутренностей человека характерна не только для говоров, но и для литературного языка, в котором этимология некоторых названий внутренностей показывает первоначальную связь именно с органами животных, воспринимаемыми вне живого тела: например, слова *кишки*, *кишечник* восходят к прасл. *kysnōti (рус. *киснуть*), соответственно, обозначаемый орган первоначально – «прокисающая внутренность» [ТСлРЯ: 337; Ушинскене 2012: 70]. Показательно также название *лёгкие*, которое обусловлено тем, что орган при погружении в воду, будучи «лёгким», всплывает на поверхность, не тонет³ (ТСлРЯ: 405).

Перенос названий органов животных на тело человека в некоторых случаях сопровождается передачей особой экспрессии. Наблюдается регулярный переход ‘внутренность животного’ > ‘живот человека (вместилище органов)’. Ср. влг. *кузовица* ‘внутренности животного’ > ‘большой живот’: *Режут скотину – хотя барана, хотя овцу. Шкуру сняли, а живот и есь кузовица, кузовицу-ту вываливают. О человеке так не говорят, толькё в шутку: “Ой, у тебя такая кузовица!”* (влг.) (СГРС 6: 226); костр. *брюховина*, *брюховица*, влг. *бачина* ‘желудок животного’ > ‘большой живот’: *Брюховину такую оттоила <оттоить ‘отрастить’> (костр.); Раздобреу как – бачину наел; Или вон у коровы бачину цистят* (влг.) (ЛКТЭ; СГРС 1: 82). Приведенные выше контексты показывают, что толстый живот получает пейоративные наименования за счёт актуализации функции пищеварения брюшных органов, ср. также арх. *литоха* ‘обжора’ при первичном значении ‘внутренности скота’ (СГРС 7: 107). Показательно, что из всех брюшных органов человека наибольшее количество обозначений получает желудок (приводимые выше *брюшина*, *брюшко*, *желуток*, *жорново*, *требух*, *требушина*), так как, по-видимому, этот орган в народном сознании воспринимается как вместилище пищи: *Ишь ты, требушину-то набил!* (влг.) (Дилакторский: 509); *Старались только на брюшину, где уж об одежке думать было* (арх.) (СРГК 1: 126), ср. литер. *наполнить /набить желудок*. Однако помимо функции «поглощения» пищи не последнюю роль играет и болезненность этого органа: *Брюшина болит, много ягод съела* (влг.) (СВГ 1: 46).

Таким образом, в этой статье мы обратимся к обозначениям брюшных внутренних органов животных. Значимость для диалектоносителей внутренностей скота, рыб и птиц объясняется традициями приготовления частей туш животных в качестве кушанья (употребляемых в пищу субпродуктов). Эти внутренности находятся в пограничной зоне между соматикой и кулинарией. Многие севернорусские названия пригото-

ленной пищи дублируют обозначения частей животных, для которых определяется семантико-мотивационная модель ‘внутренний орган’ > ‘блюдо из него’ [Осипова 2020а: 60, 61]. В подавляющем большинстве контекстов с диалектными слланхнонимами разворачивается ситуация разделывания туши животного с последующим приготовлением выпотрошенных внутренностей: *Как зарежут скотину, бачину <желудок> вывалият. Ели бачину-то, варили* (влг.); *Ливера <внутренности рыбы> у налима тоже жарят* (влг.); *Поросёнка зарезали, каюк <свиной желудок> начинила сухомесом»* (влг.) (СГРС 1: 82; 5: 112; 7: 90). Контексты, в которых описывается функционирующий в живом организме орган, встречаются, но довольно редко: *Сразу заглатывают траву, а потом в брюшине <желудок> пережевывает* (арх.) (АОС 2: 147). Некоторые диалектизмы в своей внутренней форме отражают способ приготовления потрохов животных, например, влг. *начинёхи*, *начинки* ‘праздничное блюдо из свиных кишок, начиненных крупой’ <начинять (СВГ 5: 84); ср. вятск. *варенье* ‘внутренности’ <варить (Зеленин 1903: 31). В то же время наивным сознанием выделяются и мало-съедобные внутренности, идущие на выброс (такие как селезёнка и некоторые части кишечника) в силу необходимости отделить их (в том числе на языковом уровне) от внутренностей, идущих в пищу: *Это выборок, то погано, есть не вкусно* (АОС 6: 108); *Скотину разделяваешь – кушину <несъедобные внутренности, обычно – часть кишечника> вытаскиваешь, ныне выбрасываем её* (влг.) (СГРС 6: 241–242); *Её не кушают, её срезали, железёнку <селезёнку>* (влг.) (КСГРС). Наблюдается лексическое противопоставление съедобных и несъедобных внутренностей: *Лёгкие, сердце и печень гусяк называют, а остальное всё – черёва* (арх.) (СГРС 3: 171).

При рассмотрении названий внутренних органов животных обнаруживается не только лексическое многообразие, но и довольно сложная идеографическая структура, основанная на разных вариантах семантической дифференциации названий внутренних органов. Некоторые обозначения внутренних органов закреплены за определенным видом животного или за выделяемой наивным сознанием группой животных (например, скот): ср. костр. *бутор* ‘внутренности скота’ (ЛКТЭ), арх. *бусак* ‘потроха овцы’ (АОС 2: 185), арх. *литоха* ‘внутренности скота’, арх. *литоха* ‘отдел желудка коровы, книжка’ (СГРС 7: 107), арх. *грамотица*, *грамотея*, *грамотница* ‘желудок жвачных животных’ (АОС 10: 24, 25), костр. *бороховица* ‘желудок жвачных животных’ [Ганцовская 2015: 30], арх. *бахторма* ‘внутренняя поверхность желудка животного’ (АОС 1: 133), влг. *каюк* ‘свиной желудок’ (СГРС 5: 112),

вгл. *ливерá*, *лядога*, арх., вгл. *макса́*, арх. *черёво*, *черёва* 'внутренности рыбы' (СГРС 7: 90, 203, 223; КСГРС), арх. *лэдюга* 'рыбьи потроха (кроме икры и молок)' (СГРС 7: 53), арх. *кишки*, вгл. *кукиша* 'несъедобные внутренности рыбы' (СГРС 5: 161; 6: 241–242). Подобная дифференциация наблюдается и на текстовом уровне: *У скота литоха, а у рыб черёва* (о внутренностях) (арх.) (СГРС 7: 107).

Представленные спланхнонимы демонстрируют разделение наивным сознанием внутренностей скота и внутренностей рыб, что, по видимому, связано с разницей в практиках разделывания и приготовления в качестве пищи частей разных видов животных. Кроме того, имеет значение и культурная составляющая: необходимо отметить разное отношение к блюдам из рыбы и блюдам из мяса животных, которые разграничиваются наивным сознанием как постная и скоромная пища: если в пост употреблять мясо животных категорически запрещалось, то принимать в качестве пищи рыбу допускалось, к примеру, на большие праздники в течение поста (СД 4: 203)⁴. Внутренности птиц в севернорусских говорах практически не дифференцируются, для них не обнаруживается особых наименований. Возможную причину следует видеть в том, что мясо домашней птицы в северной зоне, по замечанию К. В. Осиповой, ели гораздо реже, чем в центральных и южных областях России [Осипова 2020б: 314]. Закономерно в среднерусских и южнорусских говорах, в отличие от севернорусских, находим, к примеру, вятск. *желудки* 'птичьи потроха' (СРНГ 8: 119), брянск. *воля* 'мускулистый желудок птицы', брянск. *падробки* 'потроха, главным образом гуся или утки' (СНГЗБ: 67, 185), оренб. *почка* 'желудок у птиц' (ООС: 137). В севернорусских говорах вместо этого богато представлена «рыбная» спланхнонимия (для соответствующих лексем, которые приводятся ниже, уточним районную атрибуцию, так как для них присуща ареальная специфика). Помимо упомянутой выше идеограммы '**внутренности рыбы**' (арх. (плес.) *лэдюга*, вгл. (сок.) *ливерá*, вгл. (вож., кир.) *лядога*, арх. (повсем.), арх. (вель., вин., в-т., карг., к-б., кон., леш., мез., нянд., он., пин., прим., уст., холм., шенк.), вгл. (бел., в-важ., вож., кир.), *макса́*, арх. (онеж.), арх. (карг.) *нявга*, арх. (онеж.) *равушка*, арх. (повсем.) *черёво*, *черёва*, арх. (карг.) *кишки* (СГРС 5: 161; 6: 241–242; 7: 53, 90, 203, 223; СРГК 5: 59, 389; КСГРС)), фиксируется ряд уточняющих значений: '**печень рыбы**' (арх. (вель., вин., в-т., карг., к-б., кон., котл., леш., мез., нянд., он., пин., плес., прим., с-двин., уст., холм., шенк.), вгл. (бел., ваш., в-важ., влгд., вож., выт., кир., у-куб.) *макса́* (реже имеет значение 'печень животного'), арх. (плес.) *мако́ска*, вгл. (вож., кир.) *лядога* (СГРС 7:

203, 223; СРГК 3: 188), арх. (вил., к-б., котл., лен.) *псень*, вгл. (в-уст.) *псенёк* (КСГРС)], '**желудок рыбы**' (вгл. (вож., кир.) *лядога* (СГРС 7: 203)) '**кишечник рыбы**' (арх. (онеж.) *черва́* (СРГК 6: 769)), '**икряной мешок рыбы**' (вгл. (вож.) *кудыши* (СГРС 6: 223)), '**желчный пузырь рыбы**' (арх. (карг.) *жёлудь* (СРГК 3: 48)), '**лёгкие рыбы**' (арх. (к-б.) *псень* (КСГРС)). Встречаются даже специализированные значения, уточняющие вид рыбы. Это вгл. (выт.) *кокеш* (СГРС 5: 221), вгл. (выт.) *пукиша* '**желудок налима**' (КСГРС) вгл. (гряз.) *сеньки* '**потроха налима**' (Дилакторский: 454), арх. (он., плес., прим., мез.) *воякса*, *воюкса* *воекса* (АОС 5: 138; СГРС 7: 142, 195), арх. (помор.) *балка* '**печень трески**' (СРНГ 1: 82). Указание на конкретный вид рыбы может быть актуализирован в производных от спланхнонимов словах, например, вгл. (выт.) *максанина* 'фарш из печени налима' (СГРС 7: 223).

В особенности ярко проявляется лексико-семантическая дифференциация органов разных видов рыб, во-первых, в регионе архангельского Беломорья, во-вторых, на территории Белозерья, к которой относят Бабаевский, Белозерский, Вашкинский, Вожегодский, Вытегорский, Кадуйский, Кирилловский, Череповецкий и Шекнинский районы Вологодской области, а также Каргопольский и Коношский районы Архангельской области [Макарова 2013: 5]. Белозерье располагается между четырьмя крупнейшими озёрами (Онежское, Белое, Воже, Лача), и на этой территории «озёрная» тема (и, как следствие, рыболовная) очень значима в народной традиции [там же: 10–11]. Белозерье является уникальной зоной не только в природном, но и в языковом отношении: это один из наиболее ранних ареалов финно-угорского заселения [там же: 6–7]. Соответственно, если обратиться к проблеме происхождения диалектизмов на этой территории, обнаруживается заметное влияние финно-угорских языков: субстратные формы (такие как *макса*, *воякса*, *лядога*) оказываются востребованными для заполнения специфических идеограмм вроде 'внутренности рыбы', 'печень рыбы', 'желудок налима'. При этом спланхнонимический материал демонстрирует, что в дифференциации по видам рыб на территории архангельского Беломорья особо выделяется треска, в то время как в Белозерье, главным образом, – налим.

Взаимодействие русскоязычного населения и финно-угорского субстрата этих территорий обуславливает множественность этимологических версий для некоторых спланхнонимов. Например, вгл. (вож.) *кукиша* 'несъедобные внутренности: часть кишечника' (СГРС 6: 241–242), как и более широкое олон., карел. *кукиша* 'рыбьи потроха', с одной стороны, трактуется как про-

изводное от слав. *kukati ‘бить’, в мотивационном отношении – ‘то, что выбивается’ (ср. *требуха*, по одной из версий происхождения, от *теребить*), ср. с аналогичной мотивацией *избой*, *выпорок* ‘внутренности’ [Ушинскене 2012: 77]; с другой стороны, *кукша* сравнивается с фин. *kupsu* ‘рыбий пузырь’ эст. *kops, kopsu* ‘лёгкие’ и, соответственно, трактуется как заимствование (Фасмер 2: 408; РДЭС: 368); родственным является, по-видимому, и влг. (выт.) *пукша* ‘желудок налима’ (КСГРС), неотделимое от карел. *пукша* ‘икра рыбы’, которое С. А. Мызников соотносит с рассмотренным выше *кукша*, указывая на характерную мену начального *к/п* (РДЭС: 634). Эту же фонетическую особенность следует предполагать у арх. (вил., к-б., конд., лен.) *псень* ‘печень (чаще у рыбы)’ (КСГРС) и кольск. *ксень, ксеньё* ‘внутренности рыбы, рыбы потроха’ (СРНГ 15: 373). Варианты с начальным *к*- рассматриваются С. А. Мызниковым вместе с карел., мурм. *сень* ‘рыбы внутренности’ (варианты с начальным *п* при этом не представлены): предполагается, что варианты с начальным *к* (типа *ксень*) первичны и, вероятно, являются исконными (праславянскими) по происхождению; варианты без начального *к* (типа *сень*) вторичны и возникли в результате контаминации с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *syän* ‘сердце’, кар. *šeän, šian, siän* ‘сердце, внутренности’ (РДЭС: 730). В. Ушинскене также в качестве базового выделяет вариант *ксень* и, приводя параллели из славянских языков, предлагает в качестве праславянского этимона *kysati ‘киснуть’; лексема *псень* объясняется либо как вторичный фонетический вариант к *ксень*, либо как самостоятельное образование от диал. *псуть, псеть* ‘делаться вонючим; вонять псиной’ [Ушинскене 2012: 70, 104–105, 108]. Таким образом, проблему происхождения спланхнонимов *ксень, сень, псень* и их вариантов, как и проблему контаминационных процессов между ними, нельзя назвать окончательно решенной. Версия исконного происхождения вполне убедительна, хотя и возможность финно-угорского влияния подтверждается фиксацией лексем в контактной зоне – в архангельской, мурманской и карельской областях. В качестве небольшого дополнения укажем, что некоторые варианты без начального *к* и *п*, в особенности костр. *сенёк, синёк* ‘селезёнка’, допустимо трактовать как результат упрощения группы согласных с притяжением к *синий*, что обусловлено синеватым оттенком селезёнки, показателем контекст: *Синёк язычком таким, синий действительно* (костр.) (ЛКТЭ). Ср. оренб. *синяк* ‘печень, воловьё печенка’ (Даль 4: 187). Контаминация прослеживается также в арх. (шенк.) *максень* ‘печень рыбы’ (СГРС 7: 224), объединяющем в своей внутренней форме *ксень* и фин-

но-угорский по происхождению спланхноним *макса* (см. о нем ниже).

Взаимодействие между русским и финно-угорскими языками на территории Белозерья и Поморья прослеживается также на семантическом уровне. Относящееся к этой зоне слово *макса* ‘рыбы внутренности’, ‘печень рыбы (реже – печень животного)’, согласно словарю С. А. Мызникова (РДЭС: 478) имеет прибалтийско-финское происхождение (ливв. *maksu*, вепс. *maks*, при кар. *maksa*, фин. *maksa*, эст. *maks*) при этом автор словаря уточняет, что значение в языках-источниках общее, гиперонимическое – ‘печень’; в то время как семантическая дифференциация развивается именно в русских говорах, см. об этом подробнее в (РДЭС: 477–478). Подобное развитие значения от общего к специализированному наблюдаем в *воёкса / воёкса* ‘печень трески’, которое сопоставляется с саам. *vuoiija, viij* ‘жир, растопленный или приготовленный’, *vuivas* ‘печень’, саам. швед. *vuajja* ‘жир’ и т. п. (там же: 144).

В заключение отметим некоторые мотивационные особенности в исконных обозначениях внутренних органов. Любопытны случаи метафорического переноса (по внешнему сходству), которые встречаются при обозначении некоторых внутренностей, ср. арх. *жёлудь* ‘желчный пузырь рыбы’ (СРНГ 3: 48), арх. *бахорма* ‘внутренняя поверхность желудка животного’ при значении ‘бахрома’ (АОС 1: 133)). В целом отделы желудка жвачных за счёт своего специфического внешнего вида имеют тенденцию к метафорическому номинированию, ярким примером является общенародное *книжка*, основанное на сходстве продольных складок третьего отдела желудка с листьями в книге; эта метафора, по-видимому, получает продолжение в арх. *грамотица, грамотёя, грамотница* ‘желудок жвачных животных’ (АОС 10: 24, 25), которые, вероятно, первоначально обозначали именно книжку (отдел желудка) и могли быть мотивированы диалектизмами типа север. *грамотица* ‘лист бумаги’ (СРНГ 7: 111), арх. *грамотка* ‘письмо’ (АОС 10: 24). Возможны при этом обратные метафоры – при обозначении бытовых реалий на базе спланхнонимов, ср. влг. *брюховина, брюшинка* ‘вафельное полотенце’ (< ‘внутренности животных – часть желудка’) (СГРС 1: 194) – данная метафора основана на сходстве пористой структуры вафельного полотенца и части желудка (вероятно, его второго отдела – сетки). Приведённые языковые факты демонстрируют значимость внешних проявлений органов вне живого организма.

Отдельно следует отметить семантический переход ‘отходы’ > ‘внутренности’, который, по замечанию К. В. Осиповой, обусловлен практи-

кой отделения для собственного пропитания «остатков» мяса, т. е. субпродуктов (в то время как настоящее мясо сдавалось государству), ср. арх. *мелузь* < шир. распр. *мелузь* ‘отходы от обмолота’⁵ [Осипова 2020а: 60]. В качестве мотивационной параллели следует привести влг. *ошурки* ‘кишки’ (СВГ 6: 115) < шир. распр. *ошурки* ‘остатки пищи, объедки’ (БАС 8: 1830). Подобную мотивационную линию следует выделять для влг. *бусак* ‘внутренности’ (СГРС 1: 226), трактуемого А. Е. Аникиным как родственное калуж. *бусор* ‘требуха’, астрах., тамб. *бусор*, *бусьрь* ‘хлам, барахло’; эти лексемы, возможно, наряду с *мусор*, заимствованы из тюрк. **büsr-//*müsr-* (Аникин 5: 204). Добавим к этому следующее замечание: *бусак*, возможно, следует трактовать как контаминацию описанного выше *бусор* и *гусак* ‘лёгкие, сердце и печень животного’ – последнее мотивировано сходством с летящим гусем (Фасмер 1: 477). Допускается обратный переход (‘внутренности’ > ‘отходы’) в арх. *кишки* ‘мусор в льняной кудели’ и влг. *кишки* ‘грубая пряжа из льняных отходов’ (СГРС 5: 161).

Общий обзор севернорусских спланхнонимов, предлагаемый в настоящей работе, призван обозначить некоторые особенности рассматриваемой лексики в семантико-мотивационном, этимологическом и лингвогеографическом отношении. Отмечается необходимость в более углубленном анализе номинативных характеристик диалектных спланхнонимов. Соответствующую цель мы ставим перед собой в дальнейших работах по этой теме.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность Татьяне Владимировне Шалаевой за ценные советы и указание на важный источник для настоящей статьи.

² В настоящей статье мы используем термины *спланхноним*, *спланхнонимия* (из древнегреч. *σπλάγχων* ‘внутренность’ и *ὄνομα* ‘имя, название’) в силу необходимости обозначить понятия ‘название внутреннего(-их) органа(-ов)’, ‘лексика, обозначающая внутренние органы’. Такие термины в силу своей специфичности употребляются редко, но тем не менее используются в ряде научных трудов по лингвистике, см., к примеру: [Ракин 1997; Персидская 2018; Субраков 2019].

³ Примечательны мотивационные параллели к литературному слову *лёгкие*. Смол. *ре́йка* ‘лёгкое с сердцем и печенью’, согласно И. П. Петлевой, восходит к прасл. **rějati* (*se*) ‘двигаться (плавно, легко, быстро) в воде или в воздухе’ и, соответственно, его мотивационное значение ‘то, что имеет малый вес и потому всплывает в воде (в супе)’. Та же самая «всплывающая» мотивация наблюдается в др.-русс. *плюча* ‘лёгкие’, которое

является производным от **pluti/*plyti* (др.-русс. *плути*, русск. *плыть*) [Петлева 1975: 43–44].

⁴ О реализации оппозиции «постное» – «скоромное» в традиционной народной культуре см., к примеру: [Толстая 2002; Якушкина 2002].

⁵ В. Ушинскене для *мелузь* в качестве мотивирующего значения выделяет ‘мелкие предметы, мелочь’ с переходом в ‘мелкие внутренности животного’ [Ушинскене 2012: 65].

Список источников

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники, 2007. Вып. 1.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Д. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1980. Вып. 1.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

Ганцовская Н. С. Меткое костромское слово. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 176 с.

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и значительно доп. / под ред. проф. И. А. Бодуэна-Куртенэ: в 4 т. СПб.; М., 1903–1909.

Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

Зеленин 1903 – Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. 189 с.

КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ООС – Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2010. 192 с.

РДЭС – Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1064 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева; М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

СНГЗБ – Словарь народных говоров Западной Брянщины: (материалы для истории словарного состава говоров) / П. А. Расторгуев [ред.: Е. М. Романович]; АН БССР, Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. Минск: Наука и техника, 1973. 295 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965. Вып. 1.

ТСЛРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987.

Список литературы

Макарова А. А. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 763 с.

Осипова К. В. К семантико-мотивационной реконструкции севернорусских названий блюд из мяса // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. 2020а. Т. 12, № 3. С. 59–69. doi: 10.17072/2073-6681-2020-3-59-69

Осипова К. В. Мясо в рационе севернорусских крестьян: этнолингвистический аспект // Сибирский филологический журнал. 2020б. № 4. С. 308–321. doi 10.17223/18137083/73/21

Персидская А. С. Соматическая лексика селькупского языка: структурно-семантический и лингвокультурологический анализ: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 243 с.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. VI // Этимология. М.: Наука, 1975. С. 42–51.

Ракин А. Н. Антропотоминимическая лексика в пермских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1997. 66 с.

Субраков А. Д. Спланхнонимическая лексика современного хакасского языка // Современный ученый. 2019. № 4. С. 266–270.

Толстая С. М. Оппозиция «постный-скоромный» в свете диалектной семантики // Русская диалектная этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 128–132.

Ушинскене В. Народная анатомическая терминология в русском языке. Словообразовательная и семантическая реконструкция наименова-

ний брюшных органов. Вильнюс: Вильнюс. ун-т, 2012. 162 с.

Якушкина Е. И. Диалектные названия скоромной и постной пищи и их вторичные значения // Русская диалектная этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 132–135.

References

Makarova A. A. *Russkaya ozernaya gidronimiya Belozer'ya: sistemno-funktsional'nyy aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [Russian lacustrine hydronyms of the Belozerye region: System-functional aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2013. 763 p. (In Russ.)

Osipova K. V. K semantiko-motivatsionnoy rekonstruktsii severnorusskikh nazvaniy blyud iz myasa [On semantic and motivational reconstruction of North Russian names of meat dishes]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020a, vol. 12, issue 3, pp. 59–69. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-59-69. (In Russ.)

Osipova K. V. Myaso v ratsione severnorusskikh krest'yan: etnolingvisticheskiy aspekt [Meat in the diet of North Russian peasants: Ethnolinguistic aspect]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2020b, issue 4, pp. 308–321. doi 10.17223/18137083/73/21. (In Russ.)

Persidskaya A. S. *Somaticheskaya leksika sel'kupskogo yazyka: strukturno-semanticheskii i lingvokulturologicheskii analiz*. Diss. kand. filol. nauk [Somatic lexis of the Selkup language: Structural-semantic and linguoculturological analysis. Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2018. 243 p. (In Russ.)

Petleva I. P. Etimologicheskie zametki po slavyanskoy leksike. VI [Etymological notes on Slavic lexis. VI]. *Etimologiya* [Etymology]. Moscow, Nauka Publ, 1975, pp. 42–51. (In Russ.)

Rakin A. N. *Antropotominimicheskaya leksika v permskikh yazykakh*. Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk [Anthropotominimic lexis in the Permian languages. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola, 1997. 66 p. (In Russ.)

Subrakov A. D. *Splankhnonimicheskaya leksika sovremennogo khakasskogo yazyka* [Splankhnonimichesky lexicon of modern Khakass language]. *Sovremennyy uchenyy* [Modern Scientist], 2019, issue 4, pp. 266–270. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Opozitsiya 'postnyy-skoromnyy' v svete dialektnoy semantiki [The opposition 'lenten – non-lenten' from the perspective of dialectal semantics]. *Russkaya dialektnaya etimologiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russian Dialectal Etymology: Proceedings of the 4th International Scientific Conference]. Yekaterin-

burg, Ural Federal University Press, 2002, pp. 128–132. (In Russ.)

Ushinskene V. *Narodnaya anatomicheskaya terminologiya v russkom yazyke. Slovoobrazovatel'naya i semanticheskaya rekonstruktsiya naimenovaniy bryushnykh organov* [The Folk Anatomical Nomenclature in the Russian Language: Word-Formation and Semantic Reconstruction of Names of Abdominal Organs]. Vilnius, Vilnius University Press, 2012. 162 p. (In Russ.)

Yakushkina E. I. Dialektnye nazvaniya skromnoy i postnoy pishchi i ikh vtorichnye znacheniya [Dialectal names of non-lenten and lenten food and their secondary meanings]. *Russkaya dialektnaya etimologiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russian Dialectal Etymology: Proceedings of the 4th International Scientific Conference]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2002, pp. 132–135. (In Russ.)

On Areal Characteristics of Northern Russian Names of Animals' Internal Organs

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00223 'Etymologization and semantic reconstruction of Russian dialect vocabulary'

Maria O. Leont'eva

Research Assistant in the Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. marileonteva@yandex.ru

SPIN-code: 4303-7590

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8695-7617>

ResearcherID: AAW-7674-2021

Submitted 29 Aug 2022

Revised 05 Sep 2022

Accepted 19 Oct 2022

For citation

Leont'eva M. O. K areal'noy kharakteristike severnorusskikh nazvaniy vnutrennikh organov zhitovnykh [On Areal Characteristics of Northern Russian Names of Animals' Internal Organs]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 56–63. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-56-63 (In Russ.)

Abstract. The subject matter of this article is semantical-motivational and linguogeographical peculiarities of Northern Russian splanchnonyms – lexical units naming internal organs (from Greek σπλάγχνα (splánchna), meaning ‘viscera’). The author focuses on the interconnection and overlapping of the names of human viscera and splanchnonyms related to animals. This issue is discussed in the first part of the article. The author notes that splanchnonyms related to humans tend to be secondary in terms of their origin, i.e. to be derivatives of the names of animal viscera. The paper reveals extralinguistic reasons for the language attention of dialect speakers to animal viscera – fishing and hunting, cooking of meat dishes. The second part of the paper includes an overview of splanchnonyms related to animals; overlapping of the relevant cookery and somatic vocabulary is noted; the complexity of the ideographic structure of the vocabulary in question is identified, main ideograms with the words they comprise are listed. The difference between the names of internal organs of livestock and those of fish is shown. Special attention is paid to linguogeographical features of splanchnonyms related to fish: the relevant vocabulary is noted in the zone of contacts with the Finno-Ugric peoples and is characterized by fractional semantic differentiation. In the final part of the article, the author cites particular motivational features characteristic of the words naming animal viscera. The paper also considers metaphorical names, including both splanchnonyms motivated by the names of everyday realities and lexical units related to daily routines that were secondary formed from splanchnonyms. The lexical realization of the motivational transition ‘waste’ – ‘internal organs’ is analyzed.

Key words: Russian dialectal vocabulary; dialects of the Russian North; somatic vocabulary; splanchnonyms; semantical and motivational analysis; ethnolinguistics; linguogeography.